

Александр Иванов

Правила интеллектуальной этики¹

В.А. Подорога. Метафизика ландшафта.

Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв.
М. «Наука», 1993. – 319 с.

Необычность рецензируемой книги очевидна: в то время как у половины пишущей на философские темы российской публики слова «постмодернизм» и «постструктурализм» вызывают чувство, близкое к тошноте, а другая половина, выражаясь ее же языком, от этих слов «тащится», автор «Метафизики ландшафта», с одной стороны, демонстрирует редчайший пример философского усилия, далекого от каких бы то ни было журнально-газетных препирательств по поводу «постсовременности», а с другой – показывает образец вполне современного типа философствования в смысле его интеллектуальной искушенности и особой, я бы сказал – радикальной, нейтральности в отношении идейного спора любого вида. Философия, практикуемая Валерием Подорогой, разворачивается через целую систему запретов, и, пожалуй, самый главный из них – это запрет на спор.

Сразу же оговоримся, что этот и другие запреты не следует понимать буквально – автор вовсе не намерен запретить кому-то о чем-то спорить, совсем нет; его запреты – это устанавливаемые

им для себя и для всякого возможного читателя его текстов особые трансцендентальные правила, если хотите – максимы интеллектуальной этики – этики чистого мыслительного усилия. Ведь если мы о чем-то подумаем и попробуем двигаться внутри этого завоеванного нашей попыткой мыслительного пространства, то при чем здесь тогда «постмодернизм» или, например, традиция «русской духовности» или что-то другое в этом роде, что провоцирует спор?

В тот момент, когда мы начали путешествие в мыслительных ландшафтах, в «складках» и «морщинах», образуемых многократными оборачиваниями нашей мысли на саму себя, все это оказывается чем-то совершенно внешним нашему мыслительному движению, тем, что не имеет к нему никакого отношения. И тогда начинает представляться, что любой спор – это всего лишь попытка оперировать культурными отходами мысли как самой мыслью, стремление на «место мысли» поставить свою «позицию», то есть анонимное, ничейное и атопичное «место» (в культуре, языке, академической школе или художественной тусовке), использовав его в качестве протеза, подпорки (дословный перевод латинского *subjectus*) своего полемического жеста.

Мы подошли ко второму правилу, или запрету, устанавливаемому автором: не мыслить подпорками, некими самоочевидными сущностями, а мыслить наперекор им, ставя их под постоянное вопрошание. Другими словами, мыслить, подвергая постоянной рефлексивной проверке сущностное условие мысли – ее субъекта. Отсюда и два главных, неизменно воспроизводимых вопроса книги:

- 1) Кто мыслит (говорит)?
- 2) Как сделана мысль (письмо)?

Отвечая на эти вопросы, В. Подорога движется по не проторенным в нашей философии путям; вернее сказать, он сам создает маршруты собственного интеллектуального движения, прокладывая их через тексты Кьеркегора, Ницше и Хайдеггера. Перед читателем предстают не подновленные «философские портреты», а именно «метафизические ландшафты» – своего рода интеллектуальные карты, топографические схемы мысли философов, в чьих

¹ Впервые (без заголовка) опубликовано в журнале «Новый мир» (1994, № 7). См. также: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/7/. – Прим. ред.

текстах скрыт едва ли не весь «энергетический запас» современного философствования.

Как и всякий философ, Валерий Подорога пишет и, видимо, будет писать всю жизнь один и тот же – бесконечный – текст. «Метафизика ландшафта» – это застывший фрагмент текстовой лавы, остановленное мыслительное движение, которое, если следовать этике автора, не должно останавливаться. Отсюда естественное для Подороги стремление к переделыванию, переписыванию книги, стремление, которое, будучи сформулированным в виде правила, могло бы гласить: не дать тексту умереть в книге (произведении). Результатом применения этого правила станет книга Подороги «Выражение и смысл» – обновленный и дополненный вариант «Метафизики ландшафта», который вскоре будет опубликован в серии «Философия по краям».

Денис Голобородько

Касание и взгляд: антропология тела

Как сегодня философски говорить о теле? «Тел» как никогда много, но они как никогда закрыты для понимания. Однако критика сознания и критика интеллекта, предпринятая Ницше и Бергсоном, может быть, еще вовсе не завершена...

«Феноменология тела. Введение в философскую антропологию»¹ – одна из первых книг на русском языке, где был представлен целостный подход к проблеме философской репрезентации тела. Название книги указывает на то, что в ней используется феноменологический метод. Следует отметить: это одна из немногих книг, где феноменология не просто описывается, но и *применяется*, где она представлена «в действии» («en effet»). Феноменология здесь, скорее, гегелевская, чем гуссерлевская: представление понятия «тело» дано в его развитии. От трансцендентальной феноменологии ее отличает то, что если в первой исходной средой исследования является сознание, очищенное от элементов мира (так называемое «живое настоящее»), то здесь анализ начинается в точке «сплетения», или «расщепления», – «хиазма» – сознания и мира. У этой феноменологии есть своя отличительная черта: движение чистой мысли часто пересекается линиями тек-

¹ Подорога В.А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995.